

Елена К.

**Не
трогай
часы**

Елена К.

Не трогай часы

«Автор»

2026

К. Е.

Не трогай часы / Е. К. — «Автор», 2026

Марк и его команда думали, что победили: остановили машину, питавшуюся чужими воспоминаниями, убедили отчаявшегося куратора отказаться от опасной попытки вернуть прошлое. Но поражение подкралось тихо: время не сдалось — оно начало рассыпаться на осколки. Кураторы старой программы действуют из тени, забирая секунды у самых беззащитных. Петли множатся, реальность даёт трещины, а Комитет сворачивает работу, признавая своё бессилие. Марк не готов смириться, но чем упорнее он борется, тем яснее понимает: не все истории заканчиваются победой, и порой самое честное, что можно сделать, — не обещать спасения там, где его уже не будет. Эта книга — о цене контроля над временем, о хрупкости памяти и о том, как тяжело оставаться человеком, когда мир вокруг перестаёт слушаться. Для поклонников тёмной мистики, психологического напряжения и историй, где надежда держится на тончайшей нити — и не всегда выдерживает.

© К. Е., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Все Главы.	5
Глава 1. Дом, который ждал — и знал	5
Глава 2. Архив и тени, которые знают твоё имя	8
Глава 3. Штаб, который не существует, и люди, которые тоже	11
Глава 4. Дверь, которая помнит тебя	17
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Елена К. Не трогай часы

Все Главы.

Глава 1. Дом, который ждал — и знал

Марк привык к командировкам: аэропорты, такси, безликие квартиры на сутки, кофе из автомата и ощущение, что он живёт в режиме «пауза». Его работа была из тех, что не оставляют следа: проверка документов, сверка реестров, поиск расхождений в бумагах, которые никто не хотел читать. За последние два года он успел побывать в десятках заброшенных зданий, в бывших конторах, складах, старых пансионатах — везде, где недвижимость переходила из одних рук в другие, а прошлое оставалось в папках, покрытых пылью.

На этот раз ему нужно было проверить документы в старом особняке на окраине города, который компания купила под реконструкцию. Хозяин предупредил коротко, почти небрежно: «Там ничего интересного, просто архив в подвале. И не трогай часы в прихожей — они сломаны».

Марк хмыкнул, читая сообщение в телефоне, пока такси петляло по узким улочкам окраины. «Не трогай» для него звучало как «обязательно потрогай». Это была его маленькая профессиональная привычка: если кто-то что-то запрещает, значит, там точно есть что-то, что поможет быстрее разобраться в ситуации. Или хотя бы сделает день менее серым.

Дом стоял на отшибе, будто его специально отодвинули подальше от людей. Высокий, вытянутый вверх, с потемневшими от времени досками и окнами, похожими на пустые глазницы. Краска на наличниках облупилась, местами совсем слезла, обнажая дерево, которое уже начало сереть от сырости. На крыльце валялась старая жестяная банка, а рядом — отпечаток чьей-то подошвы, свежий, будто кто-то стоял здесь совсем недавно и смотрел на дом, прежде чем уйти.

Марк на секунду замер, оглядываясь по сторонам. Улица была пустынной. Ни машин, ни прохожих. Только ветер шевелил сухую траву у забора, и этот звук был слишком громким в тишине. Он достал из сумки планшет, открыл чек-лист и сделал первую пометку: «Состояние фасада — неудовлетворительное. Следы недавнего присутствия».

Внутри дом встретил его пылью, запахом сырости и тишиной, которая казалась слишком плотной, будто её можно было резать ножом. Марк включил фонарик на телефоне — свет выхватил из темноты коридор, уходящий вглубь, и лестницу, ведущую на второй этаж. Перила были расшатаны, ступеньки скрипели, словно дом не хотел, чтобы кто-то поднимался вверх.

В прихожей действительно стояли напольные часы — высокие, чёрные, с потемневшей резьбой. Стрелки замерли ровно на 3:17. Марк машинально щёлкнул по стеклу — и часы щёлкнули в ответ.

И пошли.

Но не вперёд.

Стрелка дёрнулась влево. Потом ещё раз. И ещё.

3:16... 3:15... 3:14...

Марк отступил на шаг, чувствуя, как по спине ползёт что-то ледяное и шершавое, будто паук из детского кошмара. Он хотел уйти, но дверь, через которую он вошёл, исчезла. На её месте была глухая стена с облупившейся краской.

В этот момент из глубины дома донёлся скрип — будто кто-то медленно открыл дверь. И следом — тихий, ровный шёпот:

— Ты опоздал.

Марк обернулся, но в прихожей никого не было. Только часы продолжали отсчитывать время назад, и каждый тик звучал как приговор.

Он сделал шаг к лестнице, ведущей на второй этаж, потому что оставаться внизу стало невыносимо. На стене висела старая фотография — семья в строгих костюмах, застывшая в неловкой позе, будто их заставили позировать против воли. В углу снимка Марк заметил себя.

То есть не себя, конечно. Но очень похожего. Тот парень смотрел прямо в объектив, и в его глазах читался такой же ужас, какой сейчас сжимал горло самого Марка.

На обороте фотографии карандашом было выведено: «Не возвращайся».

Марк сглотнул. Он не собирался возвращаться. Он вообще не собирался здесь задерживаться. Но когда он повернулся, чтобы броситься к выходу, стена, где только что была дверь, теперь имела дверной проём. Только вот за ним была не улица.

За ним была та же прихожая. Только чище. Новее. И часы стояли на месте — стрелки замерли на 3:17, как будто ничего не произошло.

А на полу лежал конверт. На нём — его имя. Почерком, которого он не знал. И дата — из прошлого. Из того года, когда он ещё не родился.

Марк наклонился, поднял конверт и провёл пальцем по шершавой бумаге. Конверт был запечатан, но не клеем, а восковой печатью — тёмно-бордовой, с оттиском странного символа: переплетённые стрелки, образующие круг, внутри которого виднелся крошечный силуэт часов.

«Это шутка, — подумал он, пытаясь удержать голос разума. — Кто-то просто хочет напугать оценщика, чтобы он занизил стоимость дома. Или это какой-то квест. Или... да что угодно, только не то, о чём ты сейчас думаешь».

Он усмехнулся, стараясь придать себе уверенности, и пробормотал вслух, будто проверяя, не сошёл ли он с ума:

— Ладно, отлично. Дом с сюрпризами. Сейчас открою, там будет записка: «Поздравляем, вы прошли первый уровень», и я пойду пить кофе в ближайшую кафешку.

Но когда он сломал печать, из конверта выпала не записка, а маленькая карточка с напечатанным текстом: «Комитет по сохранению временных границ. Филиал 17. Не вмешивайтесь».

Под надписью был номер телефона — без кода страны, без оператора, просто семь цифр, будто вырванные из другого мира.

Марк замер. «Комитет»? «Временные границы»? Это звучало как название плохого фантастического сериала. Но холод, который снова скользнул по спине, был слишком настоящим, чтобы списать всё на шутку.

Он огляделся, будто надеясь увидеть кого-то, кто сейчас выскочит из-за угла и скажет: «Попался!» Но дом молчал. Только часы снова щёлкнули, и стрелка сдвинулась ещё на минуту назад.

Внезапно в кармане завибрировал телефон. Марк выхватил его, надеясь, что это диспетчер или заказчик — любой нормальный голос из внешнего мира. Но на экране высветилось незнакомое имя: «Комитет».

— Алло? — голос Марка прозвучал хрипло, будто он долго молчал.

— Вы открыли конверт, — ответил спокойный, почти равнодушный голос. — Значит, вы уже вовлечены. Не пытайтесь уйти через дверь — она не ведёт туда, куда вы думаете. Если хотите выбраться, найдите третью полку в архиве. И не трогайте часы. Они не сломаны. Они работают.

Связь оборвалась.

Марк стоял посреди прихожей, сжимая в руке телефон, и чувствовал, как реальность вокруг него начинает трещать по швам, как старая фотография, которую слишком долго держали на солнце.

Третья полка. Архив. Значит, подвал всё-таки придётся проверить.

Он медленно двинулся к узкой двери, ведущей вниз, стараясь не смотреть на часы, но чувствуя их взгляд — тяжёлый, настойчивый, будто они следили за каждым его шагом.

Лестница в подвал была крутой и тёмной, ступени скрипели под каждым шагом, а воздух становился всё тяжелее, пропитанный запахом старой бумаги и чего-то ещё — металлического, как кровь. На стене у входа висела табличка, едва различимая в полумраке: «Архив. Доступ ограничен».

Марк усмехнулся, но на этот раз без прежней бравады.

— Ограничен, значит. Ну, я как раз из тех, кто любит нарушать ограничения.

Он спустился вниз и оказался в длинном помещении, уставленном деревянными стеллажами. Пыль лежала на полках толстым слоем, а между рядами тянулись узкие проходы, теряющиеся в темноте.

Он нашёл третью полку — она была чуть выше остальных, будто специально для того, чтобы до неё было неудобно тянуться. На ней стояли папки с выцветшими этикетками, а в самом углу — небольшая коробка из тёмного дерева, покрытая странными символами.

Когда Марк коснулся крышки, часы наверху снова щёлкнули. И в этот момент он понял: дом не просто ждал. Он знал, кто придёт. И, возможно, ждал именно его.

Глава 2. Архив и тени, которые знают твоё имя

Марк стоял в подвале, в узкой полосе света от фонарика, и чувствовал, как темнота вокруг будто сгущается, словно ей не нравится, что её тревожат. Воздух был тяжёлым, пропитанным запахом старой бумаги, плесени и чего-то ещё — металлического, будто где-то рядом текла ржавая вода. Или не вода.

Третья полка. Деревянная коробка с вычурными символами. Он коснулся крышки — и в тот же миг наверху щёлкнули часы. Этот звук прозвучал так отчётливо, будто механизм находился не в прихожей, а прямо у него за спиной. Марк дёрнулся, резко обернулся, но за спиной была только темнота, в которой шевелились тени от дрожащего света.

Он открыл коробку. Внутри лежала тонкая папка с надписью от руки: «Дело 17. Марк В.». Его инициалы. Его фамилия. Только вот он никогда не заводил никакого дела, и тем более не попадал ни в какие архивы.

Внутри папки были фотографии. На одной — он сам, выходящий из такси у этого дома. Только снимок был сделан сегодня, а бумага выглядела так, будто пролежала здесь лет двадцать: края пожелтели, уголки истрепались. На другой — он в прихожей, смотрит на часы. И в его глазах уже тогда был страх.

«Это невозможно», — подумал Марк, но голос в голове прозвучал слабо, почти безнадёжно.

Из темноты дальнего прохода донёсся тихий скрежет — будто кто-то провёл ногтем по металлу. Марк замер, прижав папку к груди.

— Кто здесь? — выкрикнул он, стараясь, чтобы голос не дрожал. Получилось не очень.

Ответа не было. Только тишина, густая, как кисель. И вдруг — шёпот. Не один голос, а сразу несколько, сливающихся в неразборчивый гул, будто в подвале кто-то переговаривался на незнакомом языке. Или это шептали сами стены.

Марк сделал шаг назад и врезался во что-то твёрдое. Он резко развернулся — и увидел фигуру в дверном проёме.

Это была женщина в длинном пальто, с капюшоном, надвинутым на лицо. В руке она держала фонарь, луч которого выхватывал из темноты только её сапоги и край пальто. Остальное тонуло в полумраке.

— Ты не должен был открывать коробку, — сказала она тихо, но в этом шёпоте было столько холода, что у Марка зубы застучали.

— Кто вы? — выдавил он.

Женщина медленно подняла голову. Капюшон откинулся, и Марк увидел её лицо — острое, бледное, с тёмными кругами под глазами, будто она не спала несколько недель. Или несколько лет.

— Меня зовут Елена. Я из Комитета. Филиал 17. И если ты сейчас не положишь папку обратно и не поднимешься наверх, дом заберёт тебя целиком. Не по частям. А целиком.

Марк хотел спросить, что она имеет в виду, но не успел. Из темноты позади Елены выскользнули ещё двое. Мужчина в очках, с папкой в руках, и девушка в куртке с нашивками, на которых были те же символы, что и на коробке.

Мужчина посмотрел на Марка поверх очков, будто оценивал, насколько тот испорчен:

— Он уже видел содержимое?

Елена кивнула.

— Тогда обратного пути нет. Дом зафиксировал его. Теперь он часть петли.

Девушка шагнула вперёд, её взгляд был напряжённым, почти отчаянным:

— Мы пытались вытащить отсюда других. Не получилось. Они... меняются. Становятся частью времени.

Марк наконец нашёл голос:

— Что значит «становятся частью времени»?

Елена вздохнула, и этот звук был похож на скрип старых половиц:

— Представь, что время — это река. А дом — водоворот. Он затягивает людей, крутит их, пока они не растворяются в потоке. Их воспоминания, их страхи, их вина — всё это оседает здесь, как ил. И дом питается этим.

Мужчина в очках добавил будничным тоном, будто объяснял расписание поездов:

— Дом — это аномалия. Временная петля с центром в часах. Они не просто показывают время. Они его создают. Или разрушают. В зависимости от того, кто к ним прикасается.

Марк сжал папку так, что пальцы побелели:

— И что мне теперь делать?

— Вернуться наверх. «И не смотреть на часы», — сказала Елена, и в её голосе впервые проскользнула нотка чего-то похожего на сочувствие. — Но есть проблема.

— Какая?

— Дверь наверх теперь ведёт не туда, куда ты думаешь. Она может вывести тебя в 1985 год. Или в коридор, которого не существует. Или вообще никуда.

Марк почувствовал, как реальность вокруг него начинает трескаться, как старое стекло.

— А если я просто не буду трогать часы?

Мужчина хмыкнул:

— Слишком поздно. Ты уже тронул. Ты запустил процесс. Теперь дом знает твоё имя. И он будет звать тебя.

Словно в подтверждение его слов, из глубины подвала донёсся тихий, ровный шёпот: «Марк... Марк... вернись...»

Девушка вздрогнула и попятилась:

— Это не мы. Это дом. Он пробуждается, когда кто-то новый попадает в петлю.

Елена сделала шаг вперёд и протянула руку:

— Иди за мной. Мы попробуем вывести тебя через служебный ход. Он не так сильно искажён. Но помни главное правило: не смотри на часы. Даже если тебе покажется, что это единственный способ понять, где ты. Даже если они будут звать тебя по имени. Даже если ты увидишь в них своё будущее. Не смотри.

Они двинулись по узкому проходу между стеллажами. Марк шёл следом, чувствуя, как каждый шаг отдаётся в груди тяжёлым эхом. Тени на стенах шевелились, будто следили за ними. Иногда ему казалось, что он видит в темноте чьи-то силуэты — людей, застывших в неестественных позах, с вытянутыми руками, будто они пытались дотянуться до выхода, но так и не смогли.

Когда они добрались до узкой двери в конце подвала, Елена остановилась и приложила ладонь к облупившейся краске.

— Здесь граница. За этой дверью — другой коридор. Он ведёт к выходу, но только если ты не потеряешь себя по дороге.

Она толкнула дверь, и та со скрипом открылась. За ней был коридор, который выглядел почти нормально: светлые стены, лампы под потолком, дверь с табличкой «Выход». Но что-то в нём было не так. Слишком чисто. Слишком ровно. Как будто это была декорация, а не настоящее место.

Елена обернулась к Марку:

— Помни: не смотри на часы.

И в этот момент наверху снова щёлкнуло. Звук был таким громким, будто часы ударили в колокол. Марк невольно поднял глаза к потолку, хотя часов там не было видно. И в ту же секунду коридор перед ними дрогнул, как отражение в воде. Стены поплыли, лампы погасли, и вместо «Выхода» на двери появилась другая надпись: «3:17».

Мужчина в очках выругался сквозь зубы:

— Петля замкнулась. Мы опоздали.

Тени в коридоре сгустились, и из них начали проступать фигуры. Не люди. Не совсем. Силуэты с длинными руками и лицами, похожими на маски. Они тянулись к Марку, шептали его имя, и в их голосах звучали голоса тех, кто когда-то пытался выбраться отсюда.

Елена схватила Марка за руку:

— Беги! Не останавливайся! И не смотри назад!

Они рванули по коридору, который теперь менялся на ходу: то сужаясь до щели, то расширяясь до огромного зала, то превращаясь в лестницу, ведущую вверх, то в туннель, уходящий вниз. Марк чувствовал, как время вокруг него рвётся на куски, как старая плёнка.

Наконец они выскочили в знакомую прихожую. Часы стояли на месте, стрелки замерли на 3:17. Но теперь Марк видел, что стекло над циферблатом было покрыто тонкими трещинами, расходящимися от центра, как паутина. И в этих трещинах мелькали обрывки лиц — людей, которые когда-то стояли здесь и смотрели на часы.

Елена тяжело дышала, прислонившись к стене:

— Мы вывели тебя в текущий момент. Но петля всё ещё активна. Дом не отпустит тебя просто так.

Мужчина в очках достал из кармана небольшой предмет — металлический диск с гравировкой:

— Вот что тебе нужно. Это якорь. Он удерживает тебя в настоящем. Носи его с собой. И никогда не снимай.

Марк взял диск. Он был холодным, почти ледяным, и на ощупь казался тяжелее, чем должен был быть.

— А что будет, если я его сниму?

Елена посмотрела на него долгим, тяжёлым взглядом:

— Тогда дом заберёт тебя. И однажды кто-то другой найдёт в архиве папку с твоим делом. И на фото будет твоё лицо.

В этот момент часы снова щёлкнули. Стрелка дрогнула и сдвинулась на одну минуту назад.

3:16.

Марк попятился, чувствуя, как холод проникает под кожу.

— Нам нужно уходить, — сказала Елена. — Сейчас. Пока петля не затянулась снова.

Они бросились к двери. На этот раз за ней была настоящая улица: мокрый асфальт, фонари, далёкие огни города. Марк выскочил наружу и обернулся. Дом стоял на месте, тёмный и неподвижный, будто ничего не произошло. Но в окне второго этажа мелькнула тень — и на мгновение показалось, что в прихожей снова щёлкнули часы.

Глава 3. Штаб, который не существует, и люди, которые тоже

Они ехали в молчании. Елена сидела за рулём старого «уазика» с тонированными стёклами и наклейкой «Ребёнок в машине» — хотя никакого ребёнка не было. Мужчина в очках — его звали Герман — сидел рядом с Марком на заднем сиденье и листал папку с его делом, время от времени поправляя очки и качая головой, будто читал плохую рецензию на собственную жизнь. Девушка с нашивками — Лина — забилась в дальний угол и молчала, но её пальцы постоянно двигались, будто она перебирала невидимые чётки.

Марк смотрел в окно. Город за стеклом выглядел нормально: фонари, дома, редкие прохожие. Но что-то было не так, и он не сразу понял что. Потом дошло: ни один человек на улице не поднимал головы. Все шли, глядя в землю, будто боялись увидеть что-то наверху.

— Красивый городок, — сказал Марк. — Особенно люблю ту часть, где все смотрят себе под ноги. Очень уютно. Прямо хочется остаться.

Герман поднял глаза от папки:

— Это эффект петли. Когда аномалия активна, люди вокруг чувствуют беспокойство, но не могут объяснить причину. Инстинкт самосохранения. Они избегают смотреть вверх, потому что подсознательно боятся увидеть искажение.

— Ясно. А я-то думал, у них просто шея болит.

Елена бросила на него взгляд в зеркало заднего вида. Взгляд был тяжёлым, уставшим и совершенно лишённым юмора.

— Ты не понимаешь серьёзности ситуации, Марк. Дом зафиксировал тебя. Ты теперь часть петли. Это не шутка.

— Я и не шучу. Я буквально спрашиваю, почему все ходят как зомби. Это нормальный вопрос для человека, который только что сбежал из дома, где время идёт назад, а из стен лезут теневые существа с длинными руками. Простите, если мой тон немного не дотягивает до должной степени паники. Я работаю над этим.

Лина вдруг подала голос из своего угла. Голос был тихим, но твёрдым:

— Он не понимает, потому что мы ему не объяснили. Мы тащим его в штаб, а он даже не знает, кто мы такие.

Елена сжала руль чуть крепче:

— Лина права. Марк, слушай внимательно. Я скажу один раз, и если ты перебеёшь меня сарказмом, я остановлю машину и высажу тебя на обочине. А там, поверь, ты долго не протянешь.

— Обещаю молчать. Я даже закрою рот руками. Вот, смотри.

Марк прижал ладони к губам и округлил глаза с таким преувеличенным невинным выражением, что Лина, несмотря на всю свою напряжённость, фыркнула. Елена не фыркнула. Она глубоко вдохнула и начала:

— Комитет по сохранению временных границ существует с 1953 года. Когда был создан — неизвестно. Часть документов утеряна. Часть — специально уничтожена. Мы занимаемся тем, что отслеживаем временные аномалии и не даём им разрастаться. Дом, в котором ты был, — одна из самых старых и опасных аномалий на территории страны. Он зафиксирован в реестре под номером 17. Отсюда — филиал.

— Сколько всего филиалов?

— Этого мы тебе не скажем.

— Конечно. Секретная организация, которая не раскрывает своих секретов. Как оригинально. А у вас есть ещё пароль и тайное рукопожатие?

Елена не ответила. Герман закрыл папку и посмотрел на Марка:

— Я понимаю, что тебе страшно. И я понимаю, что ты прячешь страх за шутками. Это нормальная защитная реакция. Но послушай: за последние тридцать лет в этот дом вошло одиннадцать человек. Вернулись трое. И те вернулись... изменёнными. Один до сих пор не может спать в помещении с закрытыми дверями. Другой каждую ночь проверяет все часы в доме — боится, что они пойдут назад. Третий... — Герман замолчал.

— Третий что?

— Третий не помнит, как его зовут.

В машине повисла тишина. Только двигатель урчал, и шины шуршали по мокрому асфальту.

Марк молчал. Шутка, которая вертелась на языке, вдруг показалась неуместной. Он представил, каково это — проснуться и не помнить собственного имени. Каково это — смотреть в зеркало и не узнавать лицо. И от этой мысли стало по-настоящему холодно, не в подвале дома 17, а здесь, в тёплой машине, среди людей, которые, по крайней мере, казались живыми.

— Ладно, — сказал он наконец, и голос его был тише, чем раньше. — Я слушаю. Серьёзно. Без сарказма. Что мне делать?

Елена кивнула:

— Мы везём тебя в штаб. Там ты увидишь всё. И тогда поймёшь, во что ты ввязался.

Штаб находился в обычном на вид здании на окраине города — двухэтажном, с облупившейся штукатуркой и вывеской «Региональный центр архивного хранения». Ничего особенного. Рядом — автобусная остановка, небольшой магазин «Продукты» и детский сад с выцветшим забором.

Марк огляделся:

— Серьёзно? Секретная организация по защите временных границ расположена между магазином «Продукты» и детским садом?

— Лучшее прикрытие — невзрачность, — ответил Герман, открывая дверь. — Никто не обращает внимания на архив. Все думают, что здесь хранятся старые бухгалтерские документы.

— А что здесь на самом деле?

— Старые бухгалтерские документы. И кое-что ещё.

Внутри первый этаж действительно выглядел как обычный архив: ряды стеллажей с папками, пыль, люминесцентные лампы, которые гудели так, будто вот-вот перегорят. За столом сидел пожилой мужчина в вязаной жилетке и читал газету. Он поднял глаза, кивнул Елене и снова уткнулся в кроссворд.

— Это Степан Аркадьевич, — сказала Елена. — Он здесь уже двадцать два года. Знает каждую папку. И каждый секрет.

— А кроссворд он разгадывает каждый день?

— Каждый день. И никогда не заканчивает. Тридцать два по горизонтали — слово из девяти букв. Никто не знает ответ.

Марк посмотрел на Степана Аркадьевича. Тот сосредоточенно смотрел в газету и шевелил губами. Обычный старик в вязаной жилетке. Марк не мог отделаться от ощущения, что старик видит его насквозь, но ему было всё равно.

Они прошли в конец коридора, где Елена приложила ладонь к стене. Не к двери, не к панели — к обычной стене. И стена отозвалась тихим гулом, после которого часть штукатурки отъехала в сторону, открыв узкий проход с винтовой лестницей, уходящей вниз.

— Конечно, — сказал Марк. — Секретная дверь в стене. Прямо как в фильмах. А внизу будет летучая мышь и факелы на стенах.

— Факелы не нужны, — ответил Герман без тени улыбки. — Там своё освещение.

Они спустились. И Марк замолчал.

Внизу был зал, который не помещался в двухэтажном здании наверху. Он уходил далеко за пределы того, что мог вместить обычный дом: высокие своды, стены, покрытые экранами с мерцающими данными, столы с разложенными картами и фотографиями. В центре стояла модель дома 17 — точная копия, выполненная с детализацией до последнего гвоздя. И вокруг модели, на тонких стержнях, были закреплены десятки фотографий людей. Марк подошёл ближе и увидел, что на каждой фотографии — лицо. Мужское, женское, молодое, старое. На некоторых — даты. На некоторых — только вопросительные знаки.

— Это все? — спросил он. — Все, кто побывал в доме?

— Это те, кого мы знаем, — ответила Елена. — Реальное число может быть больше. Дом не всегда оставляет следы.

Марк провёл пальцем по одной из фотографий. Молодой парень, лет двадцати пяти, с испуганными глазами. Дата: 1991 год. Подпись: «Статус: возвращён. Психическое состояние: нестабильное. Наблюдение: снято после исчезновения».

— Исчезновения?

— Он исчез из психиатрической клиники. Записи камер показывают, что он буквально растворился в воздухе в три часа семнадцать минут ночи.

Марк отдернул руку, будто обжёгся.

— У вас тут очень уютно, надо сказать. Картины на стенах, портреты пропавших людей. Прямо галерея ужасов. Дизайнер, наверное, получил премию.

Лина, которая шла за ними, вдруг остановилась у одной из фотографий. Её лицо побледнело.

— Лина? — окликнул Герман.

— Это мой брат, — сказала она тихо. — Виктор. Он вошёл в дом три года назад. Мы думали, что он вернулся. Но он... перестал быть собой. Он не узнаёт меня. Не узнаёт никого. Просто сидит и смотрит на часы. Каждый день. С трёх до четырёх. С трёх до четырёх.

Повисла тишина. Марк открыл рот, чтобы сострить, но что-то остановило его. Может быть, взгляд Лины — прямой, сухой, как у человека, который уже выплакал все слёзы и теперь просто существует. А может быть, холодный металлический диск в кармане, который вдруг потяжелел, будто напоминая о себе.

— Мне жаль, — сказал Марк. Без сарказма. Без шуток. Просто — мне жаль.

Лина кивнула, не глядя на него.

Елена повела их дальше, вглубь зала, к столу, над которым висела огромная карта города с нанесёнными на неё точками. Точки были разноцветными: красные, жёлтые, синие. Красных было больше всего.

— Красные — зафиксированные аномалии, — объяснила Елена. — Жёлтые — подозрительные зоны. Синие — нейтрализованные. Дом 17 — красная точка в центре. Самая большая.

— А остальные красные? Их много.

— Семнадцать. По числу филиалов. Каждая аномалия привязана к своему филиалу. Мы отвечаем за эту. И, честно говоря, мы проигрываем.

Марк посмотрел на карту. Красные точки расползались по городу, как капли крови по ткани. Одна из них находилась совсем рядом с его квартирой.

— А эта? — он ткнул пальцем в точку.

Герман поправил очки:

— Сквер на улице Лесной. Три месяца назад там начали пропадать часы. Настенные, наручные, настольные. Все часы, которые приносили в сквер, исчезали. Мы думали, вор. Поставили наблюдение. Камеры показали, что часы не уносит человек. Они просто... перестают существовать. Растворяются. Как будто время в этой точке поглощает их.

— Прекрасно. Мой сквер — чёрная дыра для часов. Надо будет написать в управляющую компанию. «Уважаемые жильцы, просьба не носить часы в сквер, иначе время их поглотит». Думаю, они оценят.

Герман не улыбнулся. Елена не улыбнулась. Лина — тоже. Но Марк заметил, что один из сотрудников в дальнем конце зала приснул, быстро прикрыв рот рукой.

В этот момент зазвонил телефон. Не мобильный — старый дисковый аппарат, стоявший на столе у входа. Звонок был пронзительным, резким, как будильник в четыре утра.

Елена сняла трубку. Слушала молча. Лицо её медленно менялось: сначала напряглось, потом побледнело, потом стало совсем белым, как бумага.

— Когда? — спросила она тихо.

Пауза.

— Кто вошёл?

Ещё пауза. Потом она повесила трубку и повернулась к остальным. Её голос был ровным, но в глазах стоял ужас — тот самый, который Марк уже видел: в подвале дома 17, у человека, который знает, что обратной дороги нет.

— Дом снова активировался. Кто-то вошёл. Женщина. Предположительно — случайная. Она зашла через час после того, как мы с Марком вышли.

— Как?! — Герман вскочил. — Мы же запечатали вход!

— Печать сломана. Кто-то снял её снаружи.

— Кто мог снять печать?

— Я не знаю. Но есть кое-что хуже. Она тронула часы.

Марк почувствовал, как диск в кармане стал ледяным.

— И что, стрелки снова пошли назад?

— Нет. — Елена помолчала. — На этот раз они пошли вперёд. Быстро. Очень быстро. Дом не возвращает её в прошлое. Он отправляет её в будущее.

— В какое будущее?

— В наше.

— Подождите, — Марк поднял руку, будто в школе. — Вы хотите сказать, что женщина, которая вошла в дом час назад, уже здесь? В нашем времени? Или будет здесь?

— Она будет здесь. Через несколько минут. Потому что для неё время идёт быстрее. И когда она появится, она будет не одна. Дом всегда отправляет вперёд больше, чем получает назад. Он... размножает.

— Размножает что? Тени? Людей? Часы?

— События, — ответил Герман. — Он отправляет вперёд события. И когда они догоняют наше время, они наслаиваются на реальность, как слои на старой картине. Сначала ты видишь одно, потом проступает другое, а потом третье — и уже не понять, что настоящее.

Марк сел на ближайший стул и потёр лицо руками.

— Знаете, я приехал сюда проверить документы. Бумажки. Налоговые. А теперь сижу в подземном бункере секретной организации и жду, когда дом выплюнет в наше время событие из будущего. У меня в кармане ледяной диск, который якобы привязывает меня к реальности, а по городу расползлись красные точки, пожирающие часы. Если бы я написал это в отчёт, меня бы уволили. Или послали к психиатру. Или и то, и другое.

— Ты не в отчёте, — сказала Елена. — Ты в жизни. И жизнь сейчас хуже любого отчёта.

В этот момент двери зала распахнулись. На пороге стоял человек, которого Марк не видел раньше. Высокий, худой, с короткой стрижкой и шрамом, пересекающим левую бровь. На нём был чёрный плащ, похожий на те, что носят патологоанатомы. В руке — папка с красной полосой.

— Рудаков, — сказала Елена. — Я думала, ты в Москве.

— Был. Теперь здесь. Потому что у нас проблема. — Рудаков шагнул к столу и бросил папку. — Это пришло из архива центрального филиала. Документ от 1953 года. Описание дома 17. И знаете, что там написано? Дом не просто аномалия. Дом — механизм. Кто-то его создал. Не случайно. Не из-за старого фундамента и не из-за подземных вод. Его построили. С целью. И эта цель — не просто пугать людей и крутить время назад.

— А какая? — спросил Марк.

Рудаков посмотрел на него так, будто увидел впервые:

— А вы кто?

— Это Марк, — сказала Елена. — Новый вовлечённый. Дом зафиксировал его.

Рудаков медленно обвёл взглядом всех присутствующих и остановился на Марке:

— Тогда тебе особенно стоит знать. Дом построили, чтобы открыть дверь. Не в прошлое. Не в будущее. Во что-то другое. Во что-то, что не имеет направления во времени. Часы — не механизм. Часы — замок. И кто-то очень хочет его открыть.

Марк посмотрел на часы на стене штаба. Обычные, настенные, с белым циферблатом и чёрными стрелками. Они показывали 3:17.

— Сколько сейчас времени? — спросил он тихо.

Герман посмотрел на свои часы:

— Три семнадцать.

— А на моих? — Марк достал телефон. Экран показывал 3:17.

— И на стенных?

— 3:17.

— И в доме было 3:17.

Лина подошла к настенным часам и коснулась стекла. Стрелки стояли неподвижно. Но когда она убрала руку, секундная стрелка дрогнула. И пошла назад.

— Это здесь, — прошептала Лина. — Аномалия. Она уже здесь. Не в доме. Здесь. В штабе.

Елена схватила телефон и набрала номер. Гудки шли долго.

— Степан Аркадьевич! — крикнула она в коридор. — Степан Аркадьевич!

Тишина.

Герман бросился к лестнице. Марк — за ним. Они поднялись на первый этаж. Архив был пуст. Стул Степана Аркадьевича стоял отодвинутым, газета лежала на столе, раскрытая на кроссворде. Карандаш валялся на полу. А в графе «32 по горизонтали» было вписано слово из девяти букв.

Марк наклонился и прочитал: «ВРЕМЯИДЁТ».

— Это слово? — спросил он. — «Время идёт»? Без пробела?

Герман побледнел:

— Степан Аркадьевич разгадывал этот кроссворд двадцать два года. И никогда не мог найти это слово.

— Может, он просто плохо разгадывал кроссворды?

— Нет. — Герман поднял газету и показал дату. Газета была сегодняшняя. — Он читал сегодняшнюю газету. Каждый день. Двадцать два года. Но газета всегда была сегодняшней.

Марк почувствовал, как мир под ногами стал мягким, будто пол превратился в желе.

— То есть... он не просто старик в жилетке?

— Степан Аркадьевич — страж. Он сидит здесь и держит границу. Каждое утро он открывает газету на сегодняшней дате — и это фиксирует время в штабе. Пока он читает, аномалия не может проникнуть. Но теперь...

— Теперь он ушёл.

— Нет. Не ушёл. Его забрали.

Марк огляделся. На стене, где раньше висел календарь, теперь была пустота. Не дыра от гвоздя, не след от страницы — просто пустота, как будто календарь никогда не существовал. И эта пустота была страшнее любой тьмы, потому что она была абсолютной.

Внизу, в зале, раздался крик. Линин. Резкий, короткий, обрыв.

Марк и Герман бросились обратно. В зале было пусто. Лина исчезла. На столе, где секунду назад лежали карты и фотографии, теперь стояли одни часы. Маленькие, старинные, с бронзовым корпусом. Стрелки шли назад.

— Лина! — закричал Герман. — Лина!

Тишина. Только тиканье часов, которое звучало как сердцебиение. Чужое. Холодное.

Марк стоял посреди зала и чувствовал, как реальность вокруг него дрожит, как поверхность воды, в которую бросили камень. Диск в кармане стал таким холодным, что обжигал кожу сквозь ткань. Он сжал его и пробормотал:

— Ну отлично. Просто великолепно. Мы потеряли девушку, старик в жилетке растворился в воздухе, а на столе появились часы, которых здесь не было. Обычный вторник. А вы говорите — аномалия. Да это просто замечательный вторник.

Елена стояла неподвижно. Потом медленно повернулась к Рудакову:

— Скольких мы потеряли?

— Трех за последний месяц. Теперь Лина — четвёртая. Если так пойдёт дальше, к зиме нас не останется.

— А центральный филиал?

Рудаков усмехнулся. Усмешка была невесёлой:

— Центральный филиал уже месяц не отвечает. И знаешь, что самое смешное? Последнее сообщение от них было: «Не трогайте часы».

Марк посмотрел на бронзовые часы на столе. Стрелки продолжали идти назад. И ему показалось, что в стекле циферблата мелькнуло лицо — женское, испуганное, с глазами, полными слёз. Лицо.

Часы тикнули. И Марк понял: он уже не просто оценщик с планшетом и чек-листом. Он часть чего-то, что не имеет имени, не имеет направления и не имеет жалости. И это «что-то» только что постучало в дверь его реальности.

— И что теперь? — спросил он.

Елена посмотрела на него. В её взгляде не было ни страха, ни усталости. Только решимость — та самая, что бывает у людей, которым некуда отступать.

— Теперь мы идём обратно. В дом. Все вместе. И на этот раз мы не выйдем, пока не закроем замок. Пока не остановим часы. Пока не вернём Лину. И Степана Аркадьевича. И всех остальных.

— А если не получится?

— Тогда 3:17 станет последним временем. Не для нас. Для всех.

Марк сглотнул, посмотрел на часы на столе, потом на Елену, потом на Рудакова, потом снова на часы. И сказал:

— Ну, по крайней мере, мне не нужно будет платить за аренду квартиры.

Рудаков впервые посмотрел на него без раздражения и почти улыбнулся:

— Ты всегда так шутишь?

— Только когда собираюсь умереть. Это мой лучший материал.

Глава 4. Дверь, которая помнит тебя

Обратный путь до дома 17 занял меньше времени, чем должен был. Марк смотрел в окно и думал, что это не машина едет быстрее, а город сжимается, будто кто-то скручивает его, как мокрый носок. Улицы становились уже, фонари — тусклее, а тени между домами — гуще. Даже воздух пах иначе: не бензином и дождём, а старой пылью и чем-то кислым, как прокисший мёд.

— Такое ощущение, что город сам хочет, чтобы мы туда вернулись, — пробормотал Марк. — Как будто дом шлёт приглашения, а город их разносит.

Елена, не отрывая взгляда от дороги, процедила:

— Дом не шлёт приглашений. Дом тянет. Как пылесос. Чем ближе — тем сильнее тянет. Держи якорь. Не выпускай.

Марк сжал в кармане ледяной диск. Тот уже не просто холодил — он будто пульсировал, как крошечное мёртвое сердце.

— Отлично, — буркнул он. — Теперь у меня в кармане артефакт, который ведёт себя как что-то живое. Это точно не повод для паники.

Рудаков, сидевший рядом с Еленой, обернулся:

— Паника — роскошь. У нас её нет.

— Зато у меня есть сарказм, — отозвался Марк. — Я его копил всю жизнь. Сейчас самое время потратить.

Лина исчезла. Степан Аркадьевич исчез. Центральный филиал молчал. И теперь они ехали обратно в эпицентр всего этого безумия — добровольно. Марк пытался уложить это в голову, но она отказывалась принимать такие факты.

Дом стоял на месте. Но теперь он выглядел иначе. Раньше он казался просто старым и заброшенным. Теперь он казался... довольным. Будто после удачной охоты. Краска на наличниках будто стала темнее, окна — чернее, а крыльцо слегка наклонилось вперёд, словно дом подался навстречу гостям.

— Он изменился, — тихо сказала Елена.

— Да, — кивнул Рудаков. — Он адаптируется. Он знает, что мы вернёмся.

Они вышли из машины. Асфальт под ногами был мягким, как губка, и пружинил при каждом шаге. Марк поставил ногу и тут же отдёргнул:

— Чувствую себя как в рекламе ортопедических стелек. Только вместо комфорта — ощущение, что земля вот-вот проглотит.

Герман, замыкавший группу, буркнул:

— Не шути про землю. Она может тебя услышать.

Дверь в дом была приоткрыта. Не нараспашку, не гостеприимно — а так, будто кто-то только что вышел и забыл закрыть. Или наоборот: кто-то вошёл и оставил щель, чтобы дом мог дышать.

Елена остановилась перед порогом, подняла руку, но не коснулась двери.

— Мы не можем просто войти. Дом ждёт, что мы сделаем это без раздумий. Он хочет, чтобы мы потеряли осторожность.

— А что, если мы постучим? — предложил Марк. — «Здравствуйте, можно войти? Мы тут по делу, вернуть пропавших людей и закрыть временную аномалию. Желательно до ужина».

Никто не улыбнулся. Даже Рудаков, который уже смирился с его привычкой шутить на грани истерики.

— Дверь — это ловушка, — сказал Рудаков. — Она запоминает тех, кто входит. И потом использует их воспоминания против них.

— То есть если я вспомню, как однажды уронил бутерброд маслом вниз, дверь может это использовать?

— Она может сделать так, что ты будешь падать вместе с бутербродом целую минуту, — серьёзно ответил Герман. — И эта минута будет длиться час.

Марк вздохнул:

— Ладно. Никаких бутербродов. Никаких воспоминаний. Только вперёд.

Елена кивнула и толкнула дверь.

Та не скрипнула. Она щёлкнула. Точно так же, как часы.

Внутри прихожая была такой же, какой они её оставили: пыльной, тёмной, с тяжёлой тишиной. И с часами. Они стояли на своём месте, чёрные, высокие, с потемневшей резьбой. Стрелки замерли на 3:16.

Но теперь на циферблате были трещины. Тонкие, как паутина, они расходились от центра, и в этих трещинах мелькали обрывки лиц — людей, которые когда-то стояли здесь и смотрели на часы. Марк заметил среди них и своё лицо — молодое, испуганное, будто из сна, который он забыл утром.

— Не смотри, — резко сказала Елена. — Не задерживай взгляд.

Марк отвёл глаза, но было поздно. На секунду ему показалось, что его отражение в стекле шевельнуло губами и прошептало: «Ты опоздал».

— Я это слышал? — спросил он, стараясь, чтобы голос звучал спокойно.

— Что?

— Ничего. Просто эхо. Или я уже разговариваю сам с собой. Это нормально, да? В такой ситуации?

Рудаков достал из сумки небольшой прибор — похожий на старый дозиметр, только с циферблатом вместо шкалы. Он покрутил ручку, и стрелка дрогнула.

— Уровень искажения растёт. Мы внутри петли. И петля сжимается.

— Значит, у нас мало времени, — подытожил Марк. — Классика.

— У нас нет времени, — поправил Герман. — Время здесь не работает. Оно... течёт.

Из глубины дома донёсся тихий скрип. Потом ещё один. Потом — шёпот. Не слова, а звуки, похожие на дыхание множества людей.

— Архив, — сказала Елена. — Лина могла быть там. Или следы.

Они двинулись к двери в подвал. Марк шёл последним, чувствуя, как каждый шаг отдаётся в груди, будто он наступал не на доски, а на чьи-то нервы.

Лестница в подвал была такой же крутой и тёмной, но теперь ступени казались короче, будто дом подрезал их, чтобы никто не мог спуститься спокойно. Марк зацепился ногой за край и едва не полетел вниз.

— Спасибо, дом, — пробормотал он. — Очень заботливо.

Внизу архив выглядел иначе. Стеллажи стояли не так, как раньше. Проходы между ними стали уже, а полки — выше. Некоторые папки лежали на полу, будто их сбросили в спешке. На одной из полок висела табличка: «Личные дела. Доступ строго ограничен». Под ней — папка с именем «Лина К.».

Елена схватила её, открыла. Внутри были фотографии, документы, вырезки. И одна маленькая записка, написанная от руки: «Они знают моё имя. Они шепчут его по ночам. Я слышу, как они зовут меня из часов».

— Это её почерк, — прошептала Елена.

— Кто «они»? — спросил Марк.

— Те, кто живёт между стрелками, — ответил Рудаков. — Те, кого дом поглотил. Они не умерли. Они... растянулись во времени. И теперь они тянут за собой других.

В этот момент из дальнего конца архива донёсся тихий звон. Будто кто-то уронил монету. Или часы.

Все замерли.

— Там, — сказала Елена, указывая в темноту.

Они пошли туда, держась ближе друг к другу. В темноте мелькали тени — не просто игра света, а фигуры, которые двигались не так, как двигаются люди. Они скользили, изгибались, будто их тела не принадлежали этому пространству.

И вдруг из темноты вышла фигура. Высокая, в длинном пальто, с капюшоном, надвинутым на лицо. Марк напрягся, но потом узнал её.

— Лина? — выдохнул Герман.

Фигура подняла голову. Это была Лина. Но не та Лина, которую они знали. Её глаза были пустыми, как у куклы, а кожа — бледной, почти прозрачной. И на запястье у неё были часы. Маленькие, бронзовые, с треснувшим стеклом. Стрелки шли назад.

— Лина, — снова позвал Герман, шагнув вперёд. — Это я. Ты меня помнишь?

Лина посмотрела на него. В её взгляде не было узнавания. Только холод.

— Время идёт назад, — сказала она чужим голосом. — Назад. Назад. Назад.

Она подняла руку и коснулась часов. Стекло треснуло ещё сильнее, и из трещины выползла тонкая чёрная нить, похожая на паутину. Она потянулась к Герману.

Он отшатнулся.

— Нет, — закричала Елена. — Не трогай!

Но было поздно. Нить коснулась его рукава, и ткань начала растворяться, будто её разъедала кислота. Герман закричал, стряхивая рукав, но нить уже проникла под кожу. На его руке появились тонкие чёрные линии, ползущие вверх, как вены.

— Что это? — закричал он.

— Временной распад, — хрипло сказал Рудаков. — Дом начинает переписывать его. Превращать в часть петли.

Марк смотрел на это и чувствовал, как сарказм улетучивается из него, как воздух из проколотого шарика. Ему хотелось пошутить, сказать что-то остроумное, чтобы разрядить напряжение, но слова застряли в горле.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.